

Роль Австрии в процессе кризиса Версальской системы

В 1989 г. человечество отмечает один из наиболее мрачных юбилеев в своей истории — пятидесятилетие с начала второй мировой войны. Эта по-своему знаменательная годовщина заставляет вновь обратиться к урокам войны, унесшей миллионы жизней, осмыслить и проанализировать ее причины. Современный уровень состояния исторической науки позволяет уже в полном объеме рассматривать, например, такую исключительно важную в этом плане проблему, как кризис Версальской системы. Советские ученые немало сделали для изучения этого вопроса. Но основное внимание историков до настоящего времени было привлечено к позиции и роли великих держав в процессе углубляющегося кризиса Версальской системы.

Однако не меньшую роль в нем сыграли, на наш взгляд, и малые страны Европы, в том числе Австрия. Исследование ее роли в процессе распада Версальской системы послевоенного устройства мира, борьбы рабочих партий страны против нарастающей угрозы войны является целью данной статьи. Такой подход станет первой попыткой ликвидации заметного пробела в отечественном австроведении и истории международных отношений в целом.

Сен-Жерменский мирный договор сделал Австрию важным составным элементом Версальской системы. Как в советской, так и в зарубежной исторической литературе проблемы развития страны в период Первой республики в таком аспекте фактически не рассматривались. Хотя нельзя не отметить, что некоторые аспекты австрийской ситуации в контексте общего развития Версальской системы анализировались в работах отечественных ученых В. М. Турока, М. А. Полтавского, Е. И. Рубинштейн, К. П. Аврамова, Г. Я. Короткевича [1] и ряда иностранных буржуазных и реформистских авторов [2].

Вопрос о роли любой европейской страны в процессе углубляющегося кризиса Версальской системы надо рассматривать в соответствии с марксистской методологией, конкретно-исторически. Значение Австрии в этом аспекте определяется прежде всего спецификой исторической ситуации, сложившейся после окончания первой мировой войны и крушения империи Габсбургов. Австро-венгерская монархия была многонациональным государством. По данным переписи 1910 г., здесь проживало 12 млн немцев, 10 млн венгров, 6,5 млн чехов, 2 млн словаков, 5 млн поляков, 4 млн украинцев, 0,8 млн итальянцев, 3,2 млн румын,

5,5 млн сербов и хорватов, 1,2 млн словенцев, 0,5 млн — прочих национальностей [3]. Особую роль в жизни государства играла Вена. Она «была столицей не только одной страны. Несмотря на все противоречия, — отмечает австрийский историк-марксист Ева Пристер, — она была сердцем целой империи, центром огромной хозяйственной системы, распространившейся на большую часть Срединной и Восточной Европы. Она была местом, куда стекались люди многих национальностей, обмениваясь своими мыслями, и взаимно оказывали друг на друга влияние» [4].

Обострение внутренних противоречий, экономическая отсталость, недальновидная и непоследовательная внешняя политика обусловили поражение страны в первой мировой войне. Австрийская делегация на Парижской мирной конференции прилагала немало усилий к тому, чтобы облегчить последствия военного краха. Например, был внесен меморандум, в котором указывалось на полную ответственность отдельных наций старой Австро-Венгрии за итоги войны [5]. Но эти попытки не увенчались успехом. После заключения Сен-Жерменского договора занимавшая в Европе второе место по размерам территории и третье место по численности населения империя превратилась в небольшое государство, в котором на площади 84 тыс. кв. км проживало всего 6,5 млн человек [6. С. 33]. А Вена, по меткому выражению британского премьер-министра Черчилля, «важная столица, приют так долго хранимой культуры и традиций, место пересечения таких значительных шоссе и речных магистралей и железнодорожных линий, была поставлена в ужасное положение голодной нужды, как пустая базарная площадь в обедневшей местности, которую покинули почти все жители» [7].

Страна оказалась в трудном экономическом положении; поскольку лишилась не только значительной части производственных мощностей, но и продовольственной базы. В полицейском донесении в конце ноября 1918 г. говорилось: «Сознание того, что германо-австрийское государство на собственной территории не имеет продовольствия, чтобы облегчить нужду, а также нет ни единой возможности для оказания ей реального противодействия, действует угнетающе» [8]. Ситуация немного улучшилась после подписания 4 июня 1920 г. Трианонского мирного договора. По его условиям к Австрии отошла приграничная область Бургенланд, что вызвало острое недовольство со стороны Венгрии. В свою очередь это привело к сближению Австрии и Чехословакии. По условиям заключенного между ними соглашения Чехословакия предоставляла кредит в 500 млн крон на поставки угля и сахара в обмен на недвусмысленное признание Австрией послевоенных границ [6. С. 47].

Новое государство во многом утратило и бывшее политическое влияние. «Если мы как подданные большой и могущественной империи, — отмечает известный политический деятель К. Вальдхайм, — прямо или косвенно были вовлечены практически в боль-

шинство европейских конфликтов, то после 1918 г. население Австрии было неожиданно поставлено перед фактом принадлежности к маленькому слабому государственному объединению, которому лучше всего было оставаться в стороне от всех конфликтных ситуаций» [6. С. 205].

Своеобразие экономического и политического положения Австрии оказало определяющее воздействие на психологический климат в стране. Наиболее сильное потрясение пережила буржуазия, вырванная из цепи устоявшихся экономических связей и лишенная основных источников получения доходов. В своих мемуарах Ф. Фундер, видный деятель христианско-социальной партии, так описывал панические настроения, которые царили среди представителей буржуазных кругов, воспринимавших вступление в 1919 год как «переход в иной мир»: «Империя... была разрушена, оставшееся жилище было вырвано из выращиваемого веками хозяйственного организма; из великой европейской державы Австрия превратилась в маленькое государство без свободного выхода к морю, без гарантированных границ, с сомнительной способностью к существованию» [9. С. 603]. В коллективной монографии «История фашизма в Западной Европе» подчеркивается схожесть социально-психологических ситуаций в Германии и Австрии в данный период, выражавшаяся в уязвленности утратой былого величия [10. С. 344].

Сложившаяся в результате историческая ситуация привела к появлению в Австрии ряда факторов экономического, политического и идеологического характера, которые и обусловили важную и специфическую роль страны в процессе нараставшего кризиса Версальской системы.

Убежденная в нежизнеспособности нового государства, буржуазия лихорадочно искала внешние пути восстановления своей прежней мощи. Талантливый писатель и публицист Р. Мюзиль с иронией писал: «Добрый австриец, подобно Буриданову осла, стоит между Дунайской федерацией и Великой Германией» [11]. Планы образования федерации дунайских стран в скором времени влились в проект создания пан-Европы. «Мысль об европейской интеграции,— считает К. Вальдхайм,— глубоко коренится в сознании австрийцев. Возможно, этому способствовало то, что австро-венгерская монархия была многонациональным государством и поэтому именно в Австрии отчетливее, чем в любом другом государстве, проявилось стремление к более интенсивному сотрудничеству европейских народов. Распад монархии и возникновение маленькой альпийской республики не только не ослабили эти стремления, но, наоборот, усилили их; не в последнюю очередь это произошло по экономическим соображениям, поскольку Первой республике не хватало хинтерланда, необходимого для ее экономической консолидации. Отсюда понятно, что, когда европейские интеграционные тенденции получили новый толчок, не кто иной как австриец, граф Рихард Куденгове-

Калерги, после распада старой монархии положил начало панъвропейскому движению» [6. С. 116].

Более популярной в буржуазных кругах с 1919 г. становится идея аншлюса. «В интересах будущего,— вспоминает Ф. Фундер,— надо было искать путь между внутренним разладом, беспорядком, насильственным разрушением, страхом, унижением и отчаянием. Объединение с Германией, «возвращение» в большой немецкий фатерланд казалось многим естественным решением. Оно вдохновлялось национальными идеалистами и поэтами...» [9. С. 603]. Буржуазные ученые начали разрабатывать и предлагать различные пути к осуществлению планов присоединения. «Союз между Австрией и Германией,— заявлял в солидном юридическом журнале профессор Венского университета Г. Кельзен,— как переходная стадия к завершеному союзному государству великогерманской республики — имея при этом в виду лишь краткосрочный, временный характер такой формы связи — имел бы достоинством то, что во время этого переходного периода получила бы всестороннюю ясность любая проблема, стоящая перед австрийским народом, когда должно было бы решиться, стать ли составной частью германской республики как единое федеративное государство средней величины или же раздробленным на 7—9 мелких государств, если не государством-карликом» [12].

Тот факт, что главным носителем идеи аншлюса являлась австрийская буржуазия, признается и немарксистскими историками. «При изучении позиции германо-националистического лагеря по отношению к рабочему классу,— отмечает Р. Ардельт,— становится очевидным, что германо-националистические идеи прежде всего понимались как оборонительная идеология, характерная для «среднего слоя» [13]. Выделяя в качестве сближающего фактора схожую слабость демократических традиций в Германии и Австрии вследствие незначительной роли парламентов в предвоенные годы [14. С. 298], английский исследователь Ф. Карстен считает: «Можно считать установленным, что национальный призыв был особенно воспринят студентами и группами недовольной городской мелкой буржуазии, главным образом в Вене и некоторых других городах...» [14. С. 97].

Однако в ходе бурных событий 1918—1919 гг. идея аншлюса получила довольно широкое распространение и в среде рабочего класса. Часть рабочих попала под влияние широко пропагандируемой теории о «нежизнеспособности» Австрии. В условиях развала австрийской экономики представители квалифицированной верхушки рабочего класса питали надежды, что объединение с Германией, обладавшей более мощным промышленным потенциалом, поможет им вернуть утраченные привилегии. Планы аншлюса активно поддерживались социал-демократической и христианско-социальной партиями, пользовавшимися наибольшим авторитетом среди рабочих. «В железных клещах держат

нас с севера и юга славяне...— писала, например, газета ХСП «Рейхспост».— Поворот нашей судьбы могут совершить только решительные, трезво мыслящие и истинно национальные мужи, чувствующие себя единым целым с великим германским народом» [15].

Но для большинства трудящихся тяга к аншлюсу вызывалась надеждой на помощь германского пролетариата в осуществлении радикальных демократических и социалистических преобразований. «Там пролетариат уже завоевал власть,— писала рабочая пресса,— завтра он произведет экспроприацию экспроприаторов. Мы объединимся с красной, пролетарской, социалистической Германией. Аншлюс к Германии есть аншлюс к социализму» [16]. «Мы, солдаты и рабочие Австрии, посылаем ликующий привет нашим братьям в рейхе и торжественно клянемся в нерушимой вере в необходимость установления социалистического общественного устройства»,— писала газета СДПА уже на следующий день после провозглашения республики [17]. На втором конгрессе Советов в Германии в марте 1919 г. присутствовали австрийские представители, которые имели, фактически, статус делегатов одной из германских областей [18].

После поражения революции в Германии руководство СДПА продолжало активно пропагандировать планы аншлюса. На съезде 1923 г. делегат из Вены Айзингер заявлял: «Задача съезда — констатировать, что воля и намерение присоединиться к Германии и вместе с германским пролетариатом создать социалистическую республику независимо от того или иного внешне- и внутривластного положения» [19]. На съезде 1925 г. аплодисментами были встречены слова одного из партийных лидеров Зейца: «Идея воссоединения всех немцев в Центральной Европе, мысль об аншлюсе Австрии к муттерланду должна постоянно присутствовать в политике рабочего класса» [20. S. 172].

Но значительная часть рабочего класса Австрии, и прежде всего его передовой авангард, осознали изменение обстановки и решительно отказались от планов аншлюса. Уже летом 1919 г. на первой странице главного печатного органа КПА была опубликована карикатура: лидеры СДПА Реннер и Бауэр обращаются к сидящему на трупах рабочих с окровавленным мечом в руках Носке со словами: «Мы просим Вас разрешить нам присоединиться к Германии» [21]. Резолюция IV съезда КПА, состоявшегося в январе 1921 г., гласила: «Лозунг «аншлюса к рейху» в устах австрийской буржуазии является лишь выражением контрреволюционного желания подавить революционный пролетариат Австрии. В устах австрийской социал-демократии лозунг «аншлюса к Германии» является, с одной стороны, уловкой шовинистов, с другой — средством посеять под прикрытием стремления к национальному единству и «новым возможностям для демократии и социализма» мелкобуржуазно-утопично-пацифистских иллюзий, что таким способом пролетариат смог бы

избежать как революционного, так и контрреволюционного решения классовых конфликтов... Поэтому коммунисты расценивают лозунг аншлюса как иллюзорный и контрреволюционный. Иллюзией они считают также идею, что аншлюс к Германии соответствует интересам пролетариата» [22. 1921. 25 Jän.].

Однако роль Австрии в процессе углубляющегося кризиса Версальской системы заключалась не только в том, что именно здесь получили развитие те теории, которые самым недвусмысленным образом были нацелены на коренное переустройство послевоенного мира. Противоречия Версальской системы, присущие ей изначально и своеобразно проявляющиеся в каждом конкретном случае (в том числе и Австрии), привели в этой стране к появлению раньше, чем во многих других государствах, главного могильщика Версаля — фашизма.

В ноябре 1918 года в Вене, Зальцбурге и Инсбруке были созданы отряды так называемой гражданской обороны. С появлением этих боевых групп, объединенных позже в «Союз защиты родины» (хеймвер), в Австрии впервые заявил о себе фашизм. «С момента своего образования, — отмечает Ф. Карстен, — идеология хеймвера была резко антимарксистской, критически настроенной против современной демократии и той роли, которую играли политические партии. Но он не обладал позитивной идеологией, у хеймверовцев не было ясного представления, что должно быть на месте демократических институтов» [14. S. 156].

Довольно четкой позитивной программой обладали зато две другие ветви австрийского фашизма — великогерманская партия и национал-социалисты. Их курс на создание авторитарного государства пользовался широкой поддержкой ХСП и других буржуазных партий. Именно предприниматели финансировали создание профашистских «союзов фронтовиков» и штрейк-брехерских организаций «Техническая помощь» [22. 1923. 8 März].

Наряду с разнообразием течений фашизм в Австрии обладал другой специфической чертой: он находился в теснейших контактах и под сильным влиянием германской реакции. Австрийский фашизм имел немало общих корней с нацизмом — пангерманизм Шенерера, социальный клерикализм Люэгера, национальный социализм Юнга. Не случайно одним из организаторов хеймвера был непосредственный участник убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург майор Пабст, а будущий глава этого союза князь Штаремберг, находясь в Баварии, принимал участие в «пивном путче» [10. С. 344].

С 1923 г. фашизм в Австрии перешел в открытое наступление. Первой жертвой фашистского террора стал социал-демократ Франц Бирнеккер, погибший 17 февраля [22. 1923. 20 Febr.]. Затем было совершено убийство командира шуцбунда Мейдлинга Мюллера, нападение на гимнастический праздник рабочих в Клостернейбурге [20. S. 38], ряд других преступлений. Раз-

гул реакции происходил при полном попустительстве властей, которые не только не препятствовали фашистским убийцам, но даже брали их под свою защиту. Как сообщал из Вены корреспондент РОСТА, после смехотворно проведенного суда убийцы рабочего социал-демократа были отпущены на свободу [23].

Активизация фашизма, начавшееся «поправление» республиканского государства вызывали резкое недовольство и протест трудящихся. Характерный эпизод произошел 17 апреля 1923 г. на собрании членов рабочей кассы в Айзенштадте. Несмотря на присутствие наряда полиции, присланного для «наблюдения за порядком», выступавшие обрушились с критикой на действия властей [24]. Росло стремление рабочих оказать действенный и решительный отпор реакции, которое находило свое выражение в самых различных формах, носящих часто и стихийный характер. 23 июня 1920 г. рабочие Инсбрука, например, захватили и передали полиции грузовик с хеймверовским оружием [25]. А только за одну из летних недель 1923 г. состоялись массовые антифашистские митинги в четырех районах Вены, в Линце, Граце, Марктле и Нейкирхене, а в Штейермаркте, Нижней и Верхней Австрии прошли мощные молодежные демонстрации [26]. Весной 1923 г. был создан республиканский шуцбунд — первая боевая организация австрийского рабочего класса.

Особенно ярко протест рабочих масс проявился в июльских событиях 1927 г. Оправдание буржуазным судом фашистских убийц, расправившихся в городке Шаттендорф с рабочим — членом СДПА М. Чмарицем и 9-летним И. Грессингом, явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения. Утром 15 июля на предприятиях начались бурные митинги, на которых принимались решения немедленно идти к парламенту и выразить там свой протест. Вскоре запылали Дворец юстиции, ставший в глазах рабочих символом буржуазного судопроизводства, полицейский участок и здание редакции газеты «Рейхспост». В выступлениях участвовали не только трудящиеся столицы. В эти дни в Граце, например, прошло 15 массовых собраний, на которых возмущенные рабочие осудили действия властей и полиции. На некоторое время была даже приостановлена работа на большинстве предприятий города [27].

Приведенные факты позволяют, таким образом, сделать важный вывод о существовании своего рода «порочного круга». Противоречия Версальской системы приводили к недовольству, неудовлетворенности большей части населения во многих странах Европы. Умело спекулируя на этом, развивался и набирал силу фашизм. А укрепление позиций фашизма вело к дальнейшему углублению кризиса Версальской системы.

Конкретно-исторический подход предполагает выявление взаимосвязи между этапами развития Версальской системы в целом и каждой отдельной, входящей в нее страны. История Австрии в период Первой республики дает убедительное под-

тверждение этой закономерности. Этапы развития страны в межвоенный период со всей очевидностью показывают, как проявлялось и к чему приводило в конкретном случае углубление кризиса Версальской системы.

Послереволюционный период развития Австрии увенчался провалом попыток оздоровления экономики страны. Идея «санитарования» родилась в среде буржуазии в условиях царившей в стране разрухи, нехватки продовольствия, тяжелой инфляции. Смысл ее заключался в том, чтобы найти выход из кризиса, жертвуя прежде всего интересами трудящихся.

В начале 1922 г. австрийское правительство обратилось в Лигу наций с просьбой о предоставлении кредитов. Начавшиеся затем переговоры по данному вопросу наглядно показали обострение противоречий между Англией и Францией — главными версальскими «миротворцами». Ланский договор, подписанный между Австрией и Чехословакией в декабре 1921 г., рассматривался прежде всего как средство сближения альпийской республики с Малой Антантой и укрепления здесь позиций Франции. Это вызывало серьезное беспокойство со стороны Англии. В феврале 1922 г. англичане тоже поспешили предоставить Австрии аванс в счет будущих кредитов, получив в качестве залога бесценные гобелены из Бельведерского дворца Габсбургов в Вене [28. С. 288].

4 октября 1922 г. были подписаны так называемые Женевские протоколы, которые показали не только истинные намерения держав-победительниц, но и углубляющийся кризис всей Версальской системы, проявляющийся в неспособности примирить соперничавшие государства, обуздать их агрессивные устремления и устранить тем самым опасность новой войны. Гарантиями предоставляемых кредитов выступали Англия, Франция, Италия и Чехословакия. Первый из трех Женевских протоколов подтверждал действие 88-й статьи Сен-Жерменского мирного договора, запрещавшей аншлюс. Для контроля за использованием международного займа Лига Наций назначила генерального комиссара [28. С. 316—317].

Последующий период в истории Австрии (1923—1934) показал невозможность реального улучшения подобными методами положения широких масс населения. Как сообщалось в бюллетене торгпредства СССР в Австрии, она вынуждена была вывозить 75 % всей производимой продукции, а ввозить 75 % потребляемого сырья и 70 % продовольствия [29]. Продолжал расти уровень безработицы: в декабре 1923 г. безработных было 98050 чел., а в декабре 1924 г. — уже 154413 [30]. На съезде СДПА в 1925 г. делегат Барвикиус из Винер-Нойштадта сообщал, что в некоторых районах этой области без работы находятся до 85 % всех жителей [20. С. 235].

Женевские протоколы создали, однако, экономическую основу для усиления политической борьбы империалистических дер-

жав за влияние и укрепление своих позиций в Австрии. Быстрыми темпами происходила «германизация» австрийской промышленности, что незамедлительно отражалось и на политической жизни. Уже в 1925 г. большинство акций крупнейшего концерна Австрии «Альпине» перешло к германскому сталеному тресту «Ферайнигте Штальверке». Трест «И. Г. Фарбениндустри» в январе 1928 г. заключил картельное соглашение с австрийской химической промышленностью, установив уровень цен и разграничив рынки сбыта [28. С. 472—473]. Это способствовало активизации фашизма и распространению планов аншлюса.

От Германии старались не отставать Англия, Франция и США. В конце 1927 г. магистрат Вены получил в США заем в 30 млн дол., а немного позже, в мае 1928 г., один из банков Нью-Йорка приобрел пакет акций венского «Меркурбанка», кредитовавшего многие австрийские предприятия [28. С. 474].

В этот же период в среде австрийской социал-демократии сложилась определенная позиция в отношении тенденций развития Версальской системы, что имело особое значение для развития классовой борьбы рабочих Австрии, среди которых СДПА пользовалась наибольшим влиянием. Главным источником угрозы войны на рубеже 20—30-х гг. считался итальянский фашизм. «Фашистская диктатура,— писал главный теоретический орган СДПА журнал «Кампф»,— вступившая в противоречие со всей демократической Европой, силой втянула Австрию в фашистский итало-венгерский союз. Австрия является стратегическим мостом между Италией и Венгрией. Под предводительством Муссолини складывается блок фашистских государств от Средиземного моря до Карпат» [31. 1930. Н. 1. S. 1].

Причину нестабильности в международной обстановке один из авторов журнала, специализировавшийся на проблемах внешней политики, видел в бессилии Лиги наций, порожденном отходом США от европейской политики. Говоря об углубляющемся кризисе Версальской системы и называя главный источник напряженности, он тем не менее отдавал дань традиционному для социал-демократии антисоветизму: «Муссолини хочет объединить побежденные государства под лозунгом ревизии Версаля. Это очень опасно, так как в Венгрии, Болгарии, Турции у власти находятся фашистские правительства. Им ничего не стоит снова начать военную авантюру. Положение становится все более запутанным еще и потому, что Муссолини в последнее время хочет заключить союз с Германией и Россией. Ведь большинство большевиков считает, что нет другого способа совершить мировую революцию, кроме как начать мировую или хотя бы европейскую войну» [31. 1931. Н. 2. S. 64]. Такая позиция препятствовала созданию системы коллективной безопасности и объединению всех демократических сил, борющихся против фашизма.

Приход к власти германского фашизма заставил социал-демократию Австрии пересмотреть свои взгляды по вопросу об

основном источнике угрозы послевоенному устройству мира и новой войны. «Кампф» писал: «Генеральная линия гитлеровской внешней политики: создание фашистско-ревизионистского блока государств, великогерманская политика, политика «Дранг нах Остен» и, наконец, политика вооружения и ревизии Версальского договора» [31. 1933. Н. 8/9. S. 339].

В период 1934—1938 гг. борьба за аншлюс, который стал одним из первых проявлений непосредственного краха Версальской системы, очередным шагом гитлеровской Германии в направлении пересмотра послевоенных границ, вступила в решающую фазу. Политика гарантий неприкосновенности австрийской территории, проводимая Англией и Францией, потерпела провал. Во многом это определялось постепенным изменением позиции Италии, особенно наглядно проявившимся с начала 1936 г. Итальянская агрессия в Абиссинию обусловила необходимость более энергичного и тесного сближения режима Муссолини с фашистской Германией, что неизбежно вело к его отказу от многих притязаний в Дунайском бассейне и на Балканах. В январе 1936 г. советский полпред в Италии Б. Е. Штейн услышал от бывшего итальянского посла в СССР Аттолико, что Италия готова пойти на значительные жертвы в австрийском вопросе, лишь бы договориться с Берлином [32].

Следствием такой политики явилось заключение 11 июля 1936 г. австро-германского соглашения, ставшего важным шагом на пути к аншлюсу. Наряду с вводом немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону условия этого соглашения, развязавшие руки нацистам в Австрии, стали прямым нарушением Версальского договора.

Вместе с тем представляется неправомерной позиция многих авторов, изучающих европейские международные отношения, которая заключается в том, что Австрия рассматривается обычно лишь как «разменная монета» в политике великих держав. На наш взгляд, Австрия проводила самостоятельную внешнюю политику (определяемую, конечно, спецификой внутренней ситуации), которая, как показано выше, в не меньшей степени, чем английская или французская, выражала непрочность и противоречивость Версаля. Проведенный ранее анализ некоторых аспектов австрийской международной политики подтверждает этот тезис [33]. Проводя реакционную в целом политику, канцлер Дольфус пытался опереться на Италию, чтобы противопоставить этот союз, оформленный в марте 1934 г. Римскими протоколами, растущей угрозе с севера. Лавирование Дольфуса, убитого во время нацистского путча 25 июля 1934 г., а затем и его преемника на посту канцлера Шушнига во многом было обусловлено непоследовательной политикой великих держав по важнейшим вопросам международной жизни. Однако для окончательного вывода необходимо комплексное исследование австрийской внешней политики, что выходит за рамки данной статьи.

История Австрии межвоенного периода наглядно демонстрирует и еще одну грань углублявшегося кризиса Версальской системы. Ее создатели и защитники вынашивали замысел устранить или по крайней мере существенно снизить накал классовой борьбы трудящихся против своих угнетателей. Однако и этим мечтам версальских миротворцев сбыться не удалось.

Даже после вооруженной расправы над рабочими в феврале 1934 г. и последовавшего за этим запрета всех пролетарских организаций трудящиеся Австрии продолжали борьбу за свои права, за восстановление демократии в стране. Все это наглядно проявилось уже весной 1934 г., когда правящий режим попытался упрочить свое положение, пропагандируя идею создания корпоративного государства. Австрийский рабочий класс четко и определенно высказал свое отношение к попытке примирить трудящихся с авторитарной профашистской диктатурой. «Пока мы не имеем свободы,— писал безымянный рабочий,— не можем иметь свободных организаций, мы не полюбим государство и будем приветствовать все, что разрушает эту тюрьму. Как сильно живет это сознание в массах, указывает тот факт, что каждый второй классово сознательный рабочий говорит, что скорей бы началась война, чтобы сломать эксплуататорскую машину, и мы переживем второй 1918 г., когда мы сможем учесть и применить уроки 1933/1934» [34. S. 131]. Другой рабочий писал, обращаясь к вице-бургомистру Вены Э. Винтеру, ярому пропагандисту идеи создания корпоративного государства: «Вы хотите привести рабочих в объятия сегодняшней диктатуры. Мы это отклоняем... Мы, рабочие, не хотим быть ее рабами, потому что наш свет — свобода» [34. S. 166]. «Мы не верим, что время демократии прошло,— говорилось в одном из посланий.— Можно запретить союзы и объединения, но нельзя дать нам новые сердца и умы... Мы победим» [34. S. 175]. «Царящая в рабочих кругах враждебность сегодняшней системе так велика, что она не может быть ограничена с помощью прессы» [34. S. 197].

Все эти письма наглядно отражали настрой рабочих, их решимость на борьбу с реакцией, что и вызвало дальнейшее развитие рабочего движения в Австрии, несмотря на все усилия правящей диктатуры [33].

Таким образом, рассматривая процессы, связанные с углубляющимся кризисом Версальской системы, ни в коей мере не следует ограничивать рамки исследования лишь историей великих держав. Малые страны Европы, в том числе и Австрия, тоже играли в этом существенную роль. История Австрии межвоенного периода отразила в себе все проявления кризиса Версальской системы, наглядно показала ее основные противоречия. Без учета этого фактора невозможно комплексно и целостно осветить историю возникновения, развития и краха Версаля.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Турок В. М.* Очерки истории Австрии, 1918—1929. М., 1955; *Он же.* Очерки истории Австрии, 1929—1938. М., 1962; *Полтавский М. А.* Австрийский народ и аншлюс 1938 г. М., 1971; *Аврамов К. П.* Это не повторится: Из истории захвата Австрии гитлеровской Германией в 1938 г. М., 1961; *Короткевич Г. Я.* Австрия на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1938 гг.) М., 1956; *Рубинштейн Е. И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.
- ² *Вальдхайм К.* Австрийский путь. М., 1976; *Andics H.* Der Staat den keiner wollte. Wien, 1962; *Ardelt R.* Zwischen Demokratie und Faschismus. Wien, 1972; *Carsten F.* Faschismus in Österreich: Von Schönerer zu Hitler. München, 1977; *Mommsen H.* Arbeiterbewegung und Nationale Frage. Göttingen, 1979; **и. а.**
- ³ *Урьяс Е. Л.* Рабочее движение в Австро-Венгрии в 1867—1914 гг. М., 1959. С. 3.
- ⁴ *Прустер Е.* Краткая история Австрии. М., 1952. С. 427—428.
- ⁵ *Politische Chronik. Mit Benutzung amtlicher Quellen.* 1919. H. 7. S. 315.
- ⁶ *Вальдхайм К.* Австрийский путь. М., 1976.
- ⁷ *Frass O.* Quellenbuch zur österreichischen Geschichte. Wien, 1967. Bd 4 (1918—1955). S. 43.
- ⁸ *Österreich im Jahre 1918: Berichte und Dokumente.* München, 1968. S. 157.
- ⁹ *Funder F.* Vom Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republik. Wien, 1952.
- ¹⁰ История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
- ¹¹ *Der Friede.* 1919. N 56. S. 82.
- ¹² *Zeitschrift für öffentliches Recht.* 1919. H. 4—2. S. 122.
- ¹³ *Ardelt R.* Zwischen Demokratie und Faschismus. Wien, 1972. S. 35.
- ¹⁴ *Carsten F.* Faschismus in Österreich: Von Schönerer zu Hitler. München, 1977.
- ¹⁵ *Reichspost.* 1919. 16. Febr.
- ¹⁶ *Arbeiter-Zeitung.* 1918. 10—12. Nov.
- ¹⁷ *Der Freie Soldat.* 1918. 13. Nov.
- ¹⁸ *Miller S.* Das Ringen um "die einzige großdeutsche Republik". Die Sozialdemokratie in Österreich und im Deutschen Reich zur Anschlußfrage 1918/19 // Archiv für Sozialgeschichte. Jahrbuch der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bonn, 1971. Bd 11. S. 48.
- ¹⁹ *Protokoll des Parteitages 1923. Die Verhandlungen der sozialdemokratischen Arbeiterpartei Deutschösterreichs.* Wien, 1923. S. 165.
- ²⁰ *Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages 1925.* Wien, 1925.
- ²¹ *Die soziale Revolution.* 1919. 25. Juni.
- ²² *Die Rote Fahne.*
- ²³ ЦГАОР. Ф. 391. Оп. 2. Д. 22. Л. 271.
- ²⁴ *Der Rote Soldat.* 1923. 1. Mai.
- ²⁵ *Protokoll der Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Arbeiterpartei Deutschösterreichs. Abgehalten in Wien vom 25. bis 27. November 1921.* Wien, 1922. S. 26.
- ²⁶ *Internationale Jugendkorrespondenz.* 1923. N 7. S. 20.
- ²⁷ *Волин Б.* Восставшая Вена. М.; Л., 1927. С. 115.
- ²⁸ *Турок В. М.* Очерки истории Австрии, 1918—1929. М., 1955.
- ²⁹ Торговый бюллетень торгпредства СССР в Австрии. 1925. № 2. С. 6.
- ³⁰ *Wirtschaftsstatistisches Jahrbuch 1924.* Wien, 1925. S. 49—50.
- ³¹ *Der Kampf.*
- ³² *ДВП СССР.* М., 1974. Т. 19. № 7. С. 21.
- ³³ См.: *Миронов Д. А.* Усиление опасности аншлюса и позиция партий австрийского рабочего класса (февраль 1934 — июль 1936) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1983. С. 71—85; *Он же.* Позиция партий австрийского рабочего класса в период усиления опасности аншлюса (июль 1936 — нояб. 1937) // Политика ве-

ликих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932—1945. Свердловск, 1984. С. 47—55.

³⁴ Winter E. K. Arbeiterschaft und Staat: Dokumente. Wien, 1934.

В. А. БУХАНОВ
Уральский университет

Формирование внешнеэкономической концепции германского фашизма (1929—1933)

Германский национал-социализм, как и фашистские движения в других странах, представлял собой полную противоположность коммунистическому движению. Он выражал коренные интересы наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии в новых, необычных для нее условиях начавшегося общего кризиса капитализма. Глубинная сущность национал-социализма проявилась, однако, не сразу. Только со временем в нем обнаружилась крайняя, кризисная форма реализации процесса государственно-монополистического развития современного капитализма [1. С. 164]. Первоначально она не осознавалась ни многими представителями финансовой олигархии, ни тем более фюрерами НСДАП.

В первое время крупные банкиры и промышленники видели в нацистской партии лишь одну из крайне правых группировок, в великом множестве расплодившихся в послевоенной Германии. Им были понятны и близки фашистские идеи тоталитарной диктатуры, а также агрессивной внешней политики. В то же время их не могли не настораживать некоторые зафиксированные в «Двадцати пяти пунктах» НСДАП лозунги, такие, например, как национализация трестов и участие рабочих в прибылях крупных предприятий [2. С. 28]. Монополисты требовали внести ясность в этот важнейший вопрос. Им хотелось получить определенное представление и о внешнеэкономической концепции фашизма, но вплоть до конца двадцатых годов ее просто-напросто не существовало.

Гитлера в то время волновала главным образом проблема организации массовой партии, опираясь на которую можно было бы претендовать на власть. В своей первой книге, «Майн кампф», он, по существу, пытался дать ответ на вопросы о том, как превратить национал-социалистскую партию в массовую, хорошо организованную и слепо повинующуюся ему силу; как, используя эту силу, захватить власть в стране; как употребить узурпированную государственную власть на подготовку и развязывание мировой войны. С циничной откровенностью в книге излагались способы овладения обыденным сознанием немец-